

Глава 1

Митч Макдир стоял в одиночестве у окна собственного кабинета на сорок восьмом этаже сверкающего небоскреба в южной оконечности Манхэттена, разглядывая Бэттери-парк и расстилающуюся за ним водную гладь. По заливу стремительно сновали суденышки всевозможных форм и размеров, едва ползли груженые контейнеровозы. Мимо острова Эллис медленно проплыval стейтен-айлендский паром. В открытое море направлялся набитый туристами круизный лайнер. К городу величественно приближалась яхта класса люкс. Какой-то отчаянный храбрец на пятнадцатифутовом катамаране носился зигзагами, уворачиваясь от всех и вся. В тысяче футов над водой рассерженными шершнями гудели по меньшей мере пять вертолетов. Вдалеке на висячем мосту Верразано неподвижно застыли грузовики, стоя бампер к бамперу. На все это взирала со своего грандиозного пьедестала Леди Свобода. Вид был потрясающий, и Митч старался наслаждаться им хотя бы раз в день, однако среди рабочей суэты свободная минутка выпадала редко. Система почасовой оплаты определяла его жизнь целиком и полностью, как и у сотен других юри-

6 • ДЖОН ГРИШЭМ

стов в этом здании. «Скалли энд Першинг» имела более двух тысяч филиалов по всему миру и тщеславно считала себя ведущей международной юридической фирмой на планете. Нью-йоркские партнеры, в числе которых был и Митч, удостаивались просторных кабинетов в самом сердце финансового района. Фирме было уже сто лет, и от нее веяло престижем, властью и деньгами.

Он посмотрел на часы и понял, что с осмотром достопримечательностей пора заканчивать. В дверь уже стучали — на очередную запланированную встречу пришли двое коллег. Они расселись за небольшим столиком, секретарша предложила кофе. Юристы откаzzались, и она ушла. Клиентом была финская судоходная компания, у которой возникли проблемы в Африке. Власти ЮАР наложили эмбарго на судно, груженное электроникой из Тайваня. Пустой корабль стоил около четырехсот миллионов, с грузом — вдвое больше; и южноафриканцев не устраивал размер таможенных пошлин. За год Митч слетал в Кейптаун дважды и во все не горел желанием туда возвращаться. Через полчаса он отпустил коллег, снабдив подробными инструкциями, и пригласил следующих.

Ровно в пять часов Митч созвонился со своей секретаршей, которая уже уходила, и прошел мимо лифтов к лестнице. Для коротких переходов вверх-вниз он избегал пользоваться лифтами, не желая слушать бесцоковую болтовню знакомых и незнакомых юристов. В фирме у Митча было много друзей и совсем мало известных ему врагов, вдобавок периодически накатывала очередная волна новых коллег и младших партнеров, чьи лица и имена полагалось помнить. Часто это не удавалось, да и времени не хватало листать

справочник фирмы и разучивать имена. К тому же многие увольнялись прежде, чем он успевал их запомнить.

Подъем по лестнице заставлял напрягать ноги и легкие, неизменно напоминая, что он уже давно не в колледже и не играет ни в футбольной, ни в баскетбольной команде. В сорок один год Митчу удавалось сохранять приличную форму, потому что он следил за питанием и минимум трижды в неделю пропускал обед ради тренировок в спортзале фирмы. Еще одна особая привилегия, только для партнеров.

На сорок втором этаже он сошел с лестницы и поспешил в кабинет Вилли Бэкстрома, тоже партнера, но вовсе не почасовика, как все прочие. Вилли занимал завидную должность, руководя программами по оказанию бесплатной юридической помощи. Хотя по количеству часов он шел наравне с другими партнерами, счетов он не высыпал — их просто некому было бы оплачивать. Юристы в «Скалли» зарабатывали кучу денег, особенно партнеры, и фирма славилась своей приверженностью к работе на общественных началах. Она добровольно бралась за сложные случаи по всему миру. Каждый юрист был обязан жертвовать по меньшей мере десять процентов своего времени на самые разнообразные судебные процессы, одобренные Вилли.

К работе на общественных началах сотрудники фирмы относились по-разному. Половине адвокатов она нравилась, потому что давала возможность хотя бы ненадолго отдохнуть от напряженной рутины и позволяла представлять интересы не корпоративных клиентов, а живых людей или некоммерческих организаций и не беспокоиться об отправке счетов и опла-

• ДЖОН ГРИШЭМ

♦ те услуг. Другая половина адвокатов признавала благородную идею помочи ближнему лишь на словах, считая ее напрасной тратой времени. Гораздо лучше потратить эти двести пятьдесят часов в год на зарабатывание денег и упрочение своего положения в различных комитетах, которые определяли, кого повысить, кого сделать партнером, а кого вообще уволить.

Вилли Бэкстром поддерживал между ними мир, что было не так сложно, ведь даже самый амбициозный юрист не рискнул бы критиковать деятельную политику фирмы по оказанию бесплатной помощи. «Скалли» даже ввела ежегодные премии для юристов, которые выходили за рамки служебного долга, стремясь помочь малоимущим.

Митч тратил по четыре часа в неделю, помогая приюту для бездомных в Бронксе и представляя клиентов, которые боролись с выселением. Это была безопасная, чистая работа в офисе, как он и хотел. Семь месяцев назад в Алабаме ему пришлось наблюдать, как приговоренный к смертной казни клиент произносил свои последние слова. За шесть лет он провел восемьсот часов, пытаясь спасти беднягу от высшей меры, и у него сердце разрывалось смотреть, как тот умирает. Поистине сокрушительное поражение.

Митч не знал, чего хочет Вилли, но сам вызов к нему был дурным знаком.

Вилли единственный в «Скалли» носил длинные волосы, собирая их в хвост. Кстати, так себе хвост — седой, в тон бороде. Всего пару лет назад кто-нибудь из руководства велел бы ему немедленно побриться и сходить к парикмахеру. Однако фирма упорно тружилась над тем, чтобы избавиться от своего закостенелого имиджа — клуба «белых воротничков», собори-

ща белых мужчин в строгих костюмах. Вилли отпустил волосы, отрастил бороду и стал ходить на работу в джинсах.

Митч, по-прежнему в строгом костюме, пусть и без галстука, присел напротив стола. Вилли походил вокруг да около и наконец перешел к сути:

— Послушай, Митч, на юге есть одно дельце. Может, взглянешь?

— Только не говори, что клиент сидит в камере смертников!

— Угадал.

— Не могу, Вилли! Даже не проси! За последние пять лет я работал с двумя, и оба получили смертельную инъекцию. Мой послужной список оставляет желать лучшего.

— Ты проделал огромную работу, Митч! Тех двоих никто бы не спас.

— Еще одного мне не вынести!

— Может, хотя бы послушаешь?

Митч сдался и пожал плечами. Об увлеченности Вилли делами смертников ходили легенды, и мало кто в «Скалли» мог ему отказать.

— Ладно, давай.

— Зовут его Тед Кирни, и жить ему осталось девяносто дней. В прошлом месяце он внезапно решил уволить всю команду своих юристов.

— Не очень здравое решение.

— Какое там! Совсем съехал с катушек — вероятно, специалисты признали бы его невменяемым, однако штат Теннесси настроен решительно. Десять лет назад во время неудачной операции по задержанию наркоторговцев Тед пристрелил троих полицейских под прикрытием. Повсюду трупы, пять человек умер-

ли на месте. Тед тоже едва не погиб, но медикам удалось его спасти, чтобы потом казнить.

Митч нервно хмыкнул и поинтересовался:

— А я должен приехать на белом коне и спасти парня? Вилли, тут уцепиться не за что!

— Тут и правда особо ничем не поможешь. Разве сделать упор на невменяемость... Проблема в том, что он, скорее всего, не согласится с тобой встретиться.

— Тогда зачем ехать?

— Затем, что мы должны попытаться, Митч. Помоему, ты — наш лучший вариант.

— Ладно, продолжай.

— Знаешь, он здорово напоминает тебя.

— Ну, спасибо, Вилли!

— Серьезно. Белый, твой ровесник, родом из округа Дейн, штат Кентукки.

Митч не сразу нашелся с ответом.

— Отлично. Наверное, мы с ним кузены.

— Не думаю, хотя его отец работал на угольной шахте, как и твой. И погиб там же.

— Вот только семью сюда не приплетай!

— Извини. Ты поймал удачу за хвост, у тебя хватило мозгов выбраться. Теду не повезло, он связался с наркотиками — и принимал, и торговал. Вместе с приятелями повез крупную партию в Мемфис, попал в полицейскую засаду. Все, кроме Теда, погибли. Пожале, на том его удача и кончилась.

— Сомнений в виновности нет?

— Только не у присяжных. Речь не о невиновности, а о невменяемости. План таков: показать его специалистам, нашим докторам, и попытаться выбрать помилование. Впрочем, сперва нужно с ним увидеться. Проблема в том, что он не принимает посетителей.

— Думаешь, мы с ним поладим?

— Шансов мало, но почему бы не рискнуть?

Митч глубоко вздохнул и попытался придумать другой выход. Желая потянуть время, он спросил:

— Кто ведет дело?

— По сути, никто. В тюрьме Тед и сам поднаторел в юриспруденции и заполнил необходимые бумаги, чтобы отстранить своих юристов. Его долго представлял Амос Патрик, один из лучших тамошних адвокатов. Знаешь Амоса?

— Встречался как-то на конференции. Большой оригинал.

— Как и многие адвокаты смертников.

— Послушай, Вилли, с меня и двух эпизодов достаточно. В таких делах увязаешь и не можешь заниматься ничем другим! Сколько клиентов при тебе казнили?

Вилли закрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Извини! — прошептал Митч.

— Более, чем достаточно. Сойдемся на том, что я знаю об этом не понаслышке. Послушай, я разговаривал с Амосом, идея ему понравилась. Он отвезет тебя в тюрьму, а там кто знает, может, Тед тобой заинтересуется и пойдет на контакт.

— Дело-то гиблое.

— Через три месяца все кончится, но мы хотя бы попытаемся его спасти.

Митч встал и подошел к окну, выходящему на запад — на Нью-Йоркскую гавань.

— Амос в Мемфисе?

— Да.

— Не хочу я возвращаться в Мемфис — слишком много воспоминаний.

— Пятнадцать лет прошло, Митч. Просто ты выбрал не ту фирму.

— Не ту фирму?! Черт, меня там едва не убили! Погибли люди, Вилли, а всех моих коллег посадили в тюрьму. Вместе с клиентами!

— Они ведь заслужили?

— Полагаю, да, однако коллеги во всем винили меня.

— Теперь их нет, Митч. По крайней мере, в Мемфисе.

Митч сел на свое место и улыбнулся другу.

— Знаешь, Вилли, иногда мне любопытно, говорят ли тут про меня и про Мемфис?

— Даже не упоминают. Мы знаем эту историю, но ни у кого нет времени ее обсуждать. Ты поступил правильно, уехал и начал все заново. Митч, ты — звезда, и для «Скалли» это главное.

— Не хочу возвращаться в Мемфис.

— Тебе нужны часы. В этом году ты слегка отсташь.

— Наверстаю. Почему бы не подыскать для меня какой-нибудь славный маленький фонд, нуждающийся в бесплатной юридической помощи? Организацию, которая кормит голодных детишек или возит пресную воду на Гаити?

— Ты заскучаешь. Тебе подавай действие, накал страстей, кратчайшие сроки!

— Плавали, знаем.

— Прошу, сделай мне одолжение, Митч! Кроме тебя и правда некому поручить. К тому же велики шансы, что тебе дадут от ворот поворот.

— Я и правда не хочу возвращаться в Мемфис.

— Будь мужчиной! Завтра есть прямой рейс из аэропорта Ла-Гуардия. Амос тебя ждет. По крайней мере, пообщаетесь.

Митч улыбнулся, признавая поражение. Встав, он пробормотал:

— Ладно, ладно, — и пошел к двери. — Кажется, я знаком с одним Кирни из округа Дейн.

— Вот и молодчина! Навести Теда. Ты прав, может, вы и правда дальние кузены.

— Чем дальше, тем лучше.

Глава 2

Большинство партнеров «Скалли», как и их конкуренты из крупных юридических фирм, а также бесчисленные трейдеры с Уолл-стрит, выбегали из высоток около шести вечера и прыгали в черные седаны с профессиональными водителями за рулем. Звезды покрупнее, управляющие хеджевыми фондами, усаживались на просторные задние сиденья длинных автомобилей европейского производства, которыми рулили их личные шоферы. Настоящих хозяев вселенной в городе вообще было не встретить — они жили и работали в Коннектикуте.

Хотя Митч вполне мог позволить себе такси, он ездил на метро — и в целях экономии, и в память о своем скромном прошлом. В шесть десять он сел на поезд в Саут-Ферри, отыскал в полном вагоне свободное сиденье и, как всегда, укрылся за газетой. Зрительно-контакта следовало избегать. Среди пассажиров хватало обеспеченных специалистов, едущих на север,

♦ которых болтовня ничуть не интересовала. В поездках на метро не было ничего плохого — быстро, дешево, по большей части безопасно. Проблема заключалась лишь в том, что другие пассажиры в той или иной степени принадлежали к Уолл-стрит, а значит, либо зарабатывали кучу денег, либо к этому шли. Вот-вот обзабедутся личными седанами и прощай метро.

Митча подобная ерунда ничуть не заботила. Он листал газету, чуть двигался, когда в вагон входили новые пассажиры, и представлял, каково будет в Мемфисе. Он не утверждал, что не вернется туда. Они с Эбби об этом даже не говорили. Бегство их так напугало, что им и в голову не пришло бы вернуться. Но чем больше он размышлял, тем сильнее проникался идеей поездки. Смотается туда-обратно, может, и работать не придется. Окажет Вилли огромную услугу, которая, несомненно, вполне достойно окупится.

Через двадцать две минуты он вышел из метро на станции Коламбус-Серкл. Теперь ему предстояла приятная пешая прогулка. Стоял великолепный апрельский вечер — небо ясное, тепло, — и полгорода высыпало на улицы. Митч, однако, торопился домой.

Здание находилось на Шестьдесят девятой улице возле Коламбус-авеню, в самом сердце Верхнего Вест-Сайда. Митч поговорил с консьержем, забрал почту и поднялся на лифте на четырнадцатый этаж. Дверь отпер Кларк и полез обниматься. В возрасте восьми лет он все еще оставался маленьким мальчиком и не стеснялся проявлять нежность по отношению к отцу. Картер, его брат-близнец, уже перерос необходимость в физическом контакте с отцом. Митч непременно обнял бы и поцеловал Эбби, расспросил, как прошел ее день, но она была занята с гостями. Квартиру напол-

няли чудесные ароматы. Похоже, на кухне готовились сложные блюда и предстоял восхитительный ужин.

Готовили сегодня братья Розарио, Марко и Марчелло, тоже близнецы. Они были родом из маленькой деревни в Ломбардии на севере Италии и пару лет назад открыли trattорию возле Линкольн-центра. С первого же дня она имела огромный успех и удостоилась двух звезд от «Таймс». Забронировать столик было делом непростым, ждать приходилось по четыре месяца. Митч с Эбби ели там, когда пожелаю. Авторитета Эбби на это хватало, ведь она редактировала первую кулинарную книгу братьев Розарио. И еще поощряла их к смелым экспериментам на своей современной кухне — по крайней мере раз в неделю братья поднимались в квартиру Макдирров с полными сумками продуктов, принося с собой поистине бунтарский дух. Эбби крутилась в самом круговороте событий, щебеча по-итальянски без всякого акцента, Картер с Кларком наблюдали за происходящим с безопасного расстояния, сидя на табуретах возле стойки. Марко с Марчелло обожали готовить перед детьми и рассказывать, что делают, на ломаном английском, заставляя ребятишек повторять итальянские слова и выражения.

Митч наблюдал за этой сценой с усмешкой, снимая пиджак и наливая себе бокал кьянти. Он спросил мальчиков про домашнее задание и получил дежурные заверения, что все сделано. Марко принес тарелочку с брускеттой, поставил на стойку перед близнецами и уведомил Митча, что волноваться о домашнем задании не стоит, поскольку ребята выполняют важную работу, выступая в роли дегустаторов. Митч притворился, что уступил, решив проверить уроки позже.

◆ Ресторан назывался «У Розарио», что неудивительно, и вышивка с его названием украшала фартуки обоих поваров. Марчелло хотел вручить Митчу такой же, но он, как всегда, отказался под предлогом того, что не умеет готовить. Когда они оставались на кухне одни, Эбби позволяла мужу чистить и резать овощи, отмерять специи под ее бдительным присмотром, накрывать на стол и выносить мусор — к подобной работе она считала его вполне пригодным. Однажды Митчу удалось дослужиться до су-шефа, однако Эбби мигом разжаловала его вновь, стоило мужу сжечь багет.

Она попросила налить ей вина. Марко с Марчелло, как обычно, отказались. Митч давно знал, что на самом деле итальянцы пьют немного, хотя и производят вино в огромных количествах и постоянно запивают им еду. Большой семье за ужином вполне хватит графинчика любимого красного или белого вина местного производства.

Благодаря своим познаниям в итальянской кухне и винах Эбби получила место старшего редактора в небольшом, зато деятельном издательстве «Эпикуреец». Фирма специализировалась на кулинарных книгах и издавала около полусотни в год, причем почти все были увесистыми сборниками рецептов со всего мира. Эбби знала многих шеф-поваров и владельцев ресторанов, поэтому они с Митчем часто ели вне дома и редко утруждали себя заказом столиков. Их квартира стала излюбленной лабораторией для юных поваров, мечтающих об успехе в городе изысканных ресторанов и привередливых гурманов. Большинство приготовленных блюд выходили шедеврально, однако и неудачи случались, ведь повара шли на самые невообразимые эксперименты. Картера с Кларком частенько использова-

ли в качестве подопытных кроликов: если поварам не удавалось им угодить, значит, с едой действительно что-то не так. Мальчиков поощряли ругать любое блюдо, которое им не нравится. У них за спиной родители частенько шутили, что растят парочку приверед.

Сегодня жалоб не предвиделось. За брускеттой последовала небольшая пицца с трюфелями. Потом Эбби объявила, что с закусками покончено, и велела идти к столу. Пока Марко подавал первое блюдо — острый суп с морепродуктами под названием «качукко», Марчелло присел с хозяевами. Все шестеро попробовали, насладились вкусом и задумались над своими ощущениями. Есть нужно было медленно, и детям это часто не нравилось. На второе подали капеллетти — маленькие равиоли в говяжьем бульоне. Обожавший макароны Картер счел их отменными, Эбби же засомневалась. Марко принес еще один вариант второго блюда — ризotto с шафраном. Поскольку они проводили лабораторное исследование, имелся и третий вариант второго — спагетти с устричным соусом. Порции были маленькими, всего пара-тройка кусочков, и супруги шутили, что нужно держать себя в руках. Братья Розарио постоянно спорили об ингредиентах и обсуждали разные варианты рецептов. Митч с Эбби выражали свои мнения, как часто бывает со взрослыми, говоря одновременно. После рыбы мальчики заскучали. Вскоре они встали из-за стола и ушли наверх смотреть телевизор, тем самым пропустив горячее мясное блюдо (тушеного кролика) и десерт (панфорте — плотный шоколадный кекс с миндалем).

За кофе Макдиры и Розарио обсудили, какие рецепты следует включить в кулинарную книгу и какие нужно переделать. До завершения работы над книгой

◆ оставалось несколько месяцев, значит, им предстояло еще много совместных ужинов.

◆ Вскоре после восьми братья собрались уходить. ◆ Они спешili обратно в свой ресторан проверить, как ◆ там дела, и, обняв хозяев, удалились, пообещав прийти на следующей неделе.

◆ Квартира опустела, Митч с Эбби вернулись в кухню. Как всегда, там царил беспорядок. Они загрузили посудомойку, поставили противни и кастрюли в раковину и выключили свет. Все равно утром придет экономка.

* * *

Уложив мальчиков спать, родители пошли в кабинет выпить по бокалу Бароло. Прокрутили в памяти ужин, обсудили работу и расслабились.

Митчу не терпелось поделиться новостями.

— Завтра я уезжаю, с ночевкой.

Ничего необычного — он часто уезжал по работе, отсутствуя ночей десять в месяц, и Эбби давно смирилась.

— В календаре поездка не отмечена, — сказала она, пожав плечами. Часы и календари правили их жизнями, и они планировали все очень тщательно. — Хотя бы место интересное?

— Мемфис.

Эбби кивнула, тщетно пытаясь скрыть удивление.

— Ладно, давай рассказывай, и пусть новости будут хорошие.

Он улыбнулся и кратко передал свой разговор с Вилли Бэкстромом.

— О нет, только не очередной клиент-смертник! Ты ведь обещал, Митч!

— Знаю-знаю, однако я не смог отказать Вилли. Ситуация патовая, похоже, и ехать не стоит. Я обещал, что попробую.

— Думала, мы никогда туда не вернемся.
— Я тоже! Но это всего на сутки.
Эбби отпила вина и закрыла глаза, помолчала.
— Долго мы с тобой не вспоминали про Мемфис!
— Особо и не хотелось. Но прошло пятнадцать лет...

— Все равно мне это не нравится.
— Эбби, не волнуйся. Меня никто не узнает — всех злодеев посадили.

— Как же, надейся! Насколько я помню, Митч, мы покинули город посреди ночи, перепуганные до смерти, а за нами гнались гангстеры.

— Так и было, но теперь их нет! Некоторые умерли. Фирма распалась, все угодили в тюрьму.

— Там им самое место!
— Приеду-уеду — никто и не узнает.
— Воспоминания о городе у нас неприятные.
— Послушай, Эбби, мы давным-давно решили жить нормальной жизнью и не оглядываться. Все в прошлом, забудь!

— Если возьмешь дело, твое имя попадет в новости?

— Если возьму дело, что сомнительно, я не буду болтаться в Мемфисе. Тюрьма — в Нэшвиле.

— Тогда зачем тебе в Мемфис?
— Там работает его адвокат, точнее, бывший адвокат. Я наведаюсь к нему в офис, получу нужную информацию, потом мы съездим в тюрьму.

— В «Скалли» — миллион адвокатов! Наверняка они могут подыскать кого-нибудь другого.